Протоиерей Лев Лебедев

К вопросу о происхождении "Поучения философа князю Владимиру" в тексте "Повести временных лет"

"Поучение философа князю Владимиру" в тексте нашей "Повести временных лет" - одно из самых замечательных и самых загадочных мест летописи. Как оно вообще могло оказаться здесь? Ясно, что это не может быть "стенограммой" беседы греческого проповедника с князем Владимиром, или свободным изложением содержания беседы, сделанным "по памяти" и по "горячим следам" кем=либо из случайных русских писцов. "Поучение" представляет собою очень стройное, последовательное, глубоко продуманное сочинение, излагающее ход священной истории от сотворения мира до времен автора "Поучения", попутно трактующее и некоторые вероучительные истины христианства. Оно содержит в себе удивительно органичный, творческий сплав данных и цитат Священного Писания с данными Священного Предания, обнаруживая в авторе не только богослова - глубокого знатока Писания и Предания, но и человека, имевшего при написании "Поучения" буквально под рукой книги Ветхого и Нового Заветов, откуда он делал дословные выписки. Это настоящий огласительный (катехизический) трактат - результат неспешного, вдумчивого богословского труда. В текст "Повести временных лет" трактат вставлен настолько искусно, что создается впечатление принадлежности текста самому нашему летописцу, который как бы воспроизводит "своими словами" то, что говорил греческий "философ" князю Владимиру. Прием известный с глубокой древности. Отвлеченно рассуждая, можно предположить, что кто=то из наших талантливых писателей, скажем, тот же преподобный Нестор, задался целью, зная основное содержание слов греческого проповедника, "реконструировать" его проповедь таким образом, чтобы написать свое строй-

ное катехизическое произведение, "вложив ег уста" миссионера-грека. Однако конкретное содержание "Поучения" свидетельствует о том, что это не русское произведение. Слишком много данных и деталей, не соотносимых с потребностями катехизации именно русского общества, есть подробности, противоречащие обычным приемам русского изложения. Так, в "Поучении" Ваал сравнивается с греческим Ареем - богом войны, и только. Обычно языческих божеств других народов наши писатели сравнивают со своими языческими божествами (в данном случае явно напрашивалось бы сравнение с Перуном, но оно не сделано). Очень много внимания уделено полемике с иудаизмом в виде особого, обширного доказательства "отвержения" Богом иудеев и призвания "иных народов". Никакой особой опасности в идейно=духовном плане для русского общества X в. иудаизм не представлял, хотя его проповедники, согласно летописи, и пытались обращаться с проповедью к нашему князю. В этом смысловом пункте "Поучения" определенно просматривается какая=то индивидуальная приверженность автора антииудейской теме, возникшая не на русской почве. Вместе с тем большое внимание уделено истории возникновения по "научению диавола" языческого идолопоклонства, его развитию, что явно рассчитано и на славян-язычников[1].

Правильным все же, на наш взгляд, будет признание, что "Поучение философа" - это переписанное, и, возможно, несколько измененное русским летописцем, не русское сочинение.

В таком случае, когда оно возникло и кто его автор?

"Повесть временных лет" называет автора "философом", не указывая ни имени, ни церковного сана. Почему?! Почему не русским, а чисто греческим словом обозначен автор "Поучения"? Если наш летописец хотел подчеркнуть особенную одаренность и знания проповедника, он мог назвать его "мудрым", "зело мудрым", "искусным в книжном нау-

чении", или как=нибудь еще по=русски, но с какой стати употреблять здесь чисто греческое слово "философ"? Тех, кто крестил князя Владимира и проповедал ему основные истины веры и историю Вселенских соборов (тоже очень глубокое богословие!), наша летопись называет согласно их церковному положению: "епископ корсунский с царицыными попами". Если бы проповедавший князю Владимиру грек имел хоть какой=нибудь сан, - был бы диаконом, пресвитером, или епископом, то нет никакого сомнения в том, что в русской летописи это обязательно было бы упомянуто. Обозначение "философ" не могло родиться у русских хронистов, оно должно было придти вместе с проповедником, как его прозвище, которое он имел и был с ним известен до прихода на Русь, в какой=то иной среде. Никого из мудрых и книжных людей наша летопись не называет "философами", кроме тех, кто обозначен этим словом в нерусских источниках, используемых нашим летописцем. Таковым является так называемое "Сказание о преложении книг", помещенное в "Повести временных лет" под 898 г. и представляющее собою краткое повествование о деятельности Солунских братьев в Великой Моравии, заимствованное из "Моравского Жития Святителя Мефодия". В этом летописном рассказе, в частности, говорится: "... Царь Михаил созвал всех философов и передал им все, сказанное славянскими князьями. И сказали философы: "В Селуни есть муж, именем Лев. Имеет он сыновей, знающих славянский язык; два сына у него искусные философы" (речь идет о Мефодии и Константине (Кирилле) - будущих просветителях славян)[2]. Хотя здесь моравский источник обоих называет философами, но известно, что как прозвище слово "философ" особенно прилепилось к Кириллу (Константину): "Кирилл философ".

А.В.Карташов приводит любопытные данные о том, что в одном из житийных текстов ХУ в. новгородского происхождения греческий философ, проповедавший князю Владимиру, прямо отождествляется с Кирил-

лом Философом: "... Древле приходи в Русь философ учити Владимира, емуже имя Кирилл"[3]. В "Житии Владимира" в "Минее" ХУШ в. это подтверждается, но говорится, что Кирилл Филисоф, проповедавший Владимиру, был не тот знаменитый просветитель славян, а другой, но с таким же именем и прозвищем[4]. Это явная натяжка с целью выйти из трудного положения. Может быть авторы новгородского текста не знали, что Кирилл Философ жил за сто лет до князя Владимира, или как-то ошиблись при переписке древних текстов? Но вот по данным того же А.В.Карташова в Софийской "Кормчей" ХШ в. начало "Устава князя Владимира" изложено так: "Се яз, князь Василий, нарицаемы Володимер, сын Святославль, внук Игорев, Блаженныя княгини Ольги, восприял есмь святое крещение от грецькаго царя и от Фотия, патриарха царегородьскаго"[5]. Но Фотий жил за 100 лет до Владимира и именно он благославлял Кирилла и Мефодия на миссионерское служение.

Перед нами, таким образом, довольно древняя тенденция ошибочно смешивать крещение князя Владимира с эпохой Кирилла и Мефодия и патриарха Фотия.

Как это могло произойти? Нам уже приходилось писать об этом в нашей книге "Крещение Руси"[6]. Напомним вкратце суть дела. После набега Руси на Константинополь 18-25 июня 860 г. при Аскольде и Дире между Русью и Византией начались "какие-то переговоры"[7]. Цель их передана греческими хронографами так: "... немного времени спустя (после набега - Авт.) от руссов в царствующий град пришло посольство, просившее сделать их участниками Божественного Крещения, что и было исполнено"[8]. Эти данные подтверждаются другими документами: "Окружным посланием" Патриарха Фотия 866 г. по поводу крещения Болгарии (где говорится о том, что и русские "променяли прежнее нечестие на чистую и неподдельную христианскую веру, с любовью поставив себя в чине друзей и подданных наших... приняли епископа и пастыря

и лобызают святыни христиан с великим усердием и ревностью"[9], жизнеописанием Василия I, сделанным его внуком Константином Багрянородным (где говорится, что Василий I "устроил так, что они (русские - Авт.), приняли епископа"[10]), древними диптихами Константинопольского патриархата (где со второй половины IX в. Русская епархия числится сперва на 61-м, потом на 60-м месте в перечне епархий). Косвенно это хорошо подтверждается и данными "Повести временных лет", где сообщается, что при князе Игоре в Киеве стояла христианская церковь Пророка Илии (построенная, как полагают, еще Аскольдом). Археологические раскопки в Новгороде также дают свидетельства о существовании христианства и храмов до официального Крещения Руси. Здесь обнаружены остатки церкви Спаса на Розваже, существовавшей задолго до 988 г.[11] Подтверждается это и житийной литературой, где говорится о преследовании христианства и разорении церквей на Руси при Олеге (после 882 г.)[12]. Итак, нет сомнения в том, что в самом начале 60-х годов IX в. (в 861 или 862 гг.) на Руси, очевидно в Киеве, было совершено первое массовое крещение русских и учреждена епархия, подчиненная юрисдикции Константинопольского Патриархата, как об этом и говорят византийские источники.

Русские летописи хранят по этому поводу полное молчание, лишь косвенно подтверждая наличие христианства на Руси до 988 г.

Но вот в "Моравских житиях Кирилла и Мефодия" в повествовании об их миссии в Хазарию, говорится, что в самом начале 60-х годов IX в. (по мнению ученых, - в 861 г. или в конце 860 г.), то есть одновременно с "посольством от руссов", в Константинополь пришло посольство из Хазарии с письмом кагана, в котором, в частности, говорилось: "Евреи побуждают нас принять свою веру и обычаи, с другой стороны сарацины... принуждают нас принять свою веру... Вы - великий народ, от Бога царство держите. Вашего совета спрашиваем и про-

сим от вас мужа книжного. Если переспорит иудеев и сарацинов, то примем вашу веру..." В ответ на это посольство Византия якобы посылает в Хазарию Кирилла Философа с братом Мефодием, где Кирилл одерживает победу в споре с иудеями и мусульманами, крестит до 200 человек желающих, и в результате хазарский каган со старейшинами и народом принимают решение, запрещающее под страхом смерти исповедать иудаизм, мусульманство, и грозят тем же "кланяющимся на Запад", то есть приверженцам Римской Церкви, выражая при этом желание "идти на службу" Византийскому императору, куда тот захочет[13]. Однако известно, что с УШ в. в Хазарии в качестве государственной религии (по крайней мере - религии правящей верхушки каганата) прочно утвердился иудаизм. Хазарский каган поэтому никак не мог посылать посольство в Византию с такими просьбами, какие изложены в "Житии Кирилла". Это дало основание Б.Н.Флоре и другим ученым утверждать, что цель "послов от хазар", "как она изложена в "Житии Константина": является вымыслом агиографа"[14]. В таком случае и результат миссии в Хазарию, как он описан в "Житии Константина - Кирилла", тоже должен быть признан "вымыслом". Более того, почти все, что говорится о хазарской миссии Кирилла и Мефодия в их житиях (за исключением географического указания, где именно находится Хазария) совершенно не соответствует хазарской обстановке и должно было бы быть признано вымыслом, если бы не следующие обстоятельства.

Достоверно известно, что в конце 861 г. или начале 862 г. Кирилл и Мефодий действительно совершили путешествие в Хазарию. В 863 г. уже началась их миссия в Великую Моравию. Однако в Хазарию ли они на самом деле путешествовали (или только ли в Хазарию)?

В свое время академик В.И.Ламанский, тщательно проанализировав "Житие Кирилла"[15] и отметив многие несоответствия собственно хазарской обстановке в описании "хазарской миссии" Солунских братьев, с

другой стороны, обнаружил, что эти несоответствия в точности соответствуют обстановке Руси начала 60-х годов IX в. Его исследования продолжили другие ученые, впоследствие - А.В.Карташов, придя к обоснованному выводу, что "хазарская миссия" была на самом деле миссией русской и что в 861 или 862 г. Кирилл и Мефодий осуществили в Киеве то первое массовое крещение русских, о котором говорят достоверные византийские источники. В свою очередь мы, добавив несколько своих наблюдений и соображений, пришли к убеждению, что так оно и было[16].

Тогда все становится на свои места. "Посольство" в Константинополь в конце 860 или начале 861 гг. якобы от "хазар", совпадающее и по времени, и по смыслу с "посольством от руссов", это есть действительно русское посольство. И в ответ на него на Русь посылаются проповедники христианства - Кирилл и Мефодий, создавшие уже к тому времени славянскую письменность[17]. Здесь они спорят с проповедниками мусульманства и иудаизма, здесь крестят желающих, освобождают пленных соотечественников. Тогда и результат их миссии - отнюдь не вымысел, и письмо русского кагана императору с выражением готовности "идти на службу" почти дословно совпадает со словами "Окружного послания" Патриарха Фотия о том, что русские "поставили себя в чине друзей и подданных наших", и с тем фактом, что после 862 г. русским было разрешено поступать на службу в византийскую армию (хазары же давно были союзниками Византии и давно принимали участие в ее военных акциях). Неожиданное подтверждение сказанному находится в русском пергаменном "Прологе" XУ в., переписанном с какого-то более древнего манускрипта, где говорится: "Преподобного отца нашего Мефодия, епископа Моравьска, учителя руськаго", и далее - "Кирилл же умоли брата своего Мефодь итти с собою (в Хазарию) яко умеяше язык словеньск"[18]. Предельно ясное свидетельство древних русских книжни-

о том, что "хазарная миссия" Равноапостольных братьев была на самом деле миссией русской.

Может иметься несколько причин к тому, что в моравском "Житии Кирилла", вместо Руси и русских фигурируют Хазария и хазары. В 860-х годах в Византии еще не знали о существовании особого Русского государства, хотя о народе "руссов" знали давно и знали, что ныне он расположен в пределах "Хазарии" (русские действительно одно время платили дань хазарам, а русские князья вплоть до XI в. назывались "каганами", на манер хазарских). "Хазарией" в те времена византийцы называли земли к северу от Черного моря точно так же, как древние греки называли все эти земли "Скифией". На этой почве вполне могла возникнуть путаница в определении адреса путешествия Кирилла и Мефодия. "Житие Константина - Кирилла" было составлено примерно в 885 г., то есть в то время, когда на Руси развернулось преследование христианства при Олеге и могло иметь место впечатление, что миссия Солунских братьев на Русь не принесла плодов, оказалась бесполезной. Наконец, мораванин (или мораване) при написании "Жития Кирилла" могли болезненно воспринимать тот факт, что из славян не мораване первые, кому благовествовали о Христе Кирилл и Мефодий[19].

Проповедь на Руси Кирилла и Мефодия и осуществленное ими первое массовое крещение русских в 861 (862) гг. должны были оставить по себе какие-то документальные свидетельства, отложившиеся в бумагах киевских князей. Одним из документов мог быть Огласительный (катехизический) трактат для славян, написанный Кириллом Философом. Что вообще такой трактат должен был существовать, не подлежит никакому сомнению! Миссионеры - проповедники, изобретшие славянскую азбуку (да еще в двух вариантах - глаголическом и кириллическом) прежде всех других книг и сочинений для славян должны были перевести на славянский самое основополагающее - кратий катехизис (оглашение),

содержащее основные истины христианства и описание Священной истории. Такое сочинение - естественная фиксация того, с чем устно они прежде всего и обращались к язычникам - славянам во время проповеди.

Кажется, В.И.Ламанский первым высказал мысль, что "Поучение философа князю Владимиру" - это на самом деле сочинение Св. равноапостольного Кирилла (Константина)[20]. К такому же выводу пришел и А.С.Львов на основании языковедческого анализа текста "Поучения". Он обнаружил множество слов и языковых форм, свидетельствующих, что "Поучение" - это переводное с греческого на славянский произведение, о котором можно утверждать то же, что "только о языке первых переводов, или иначе - о кирилло-мефодиевской речи"[21]. А.С.Львов находит в "Поучении" следы западнославянской (скорей всего - чешской, или моравской) редакции, которую считает первичной, и явные черты более поздней восточноболгарской редакции и утверждает: "... Не исключено, что рассматриваемое произведение могло появиться и употребляться еще в Моравии как памятник христианской учительной литературы. Даже трудно представить, что Константин, особенно Мефодий и его ученики обходились без такой литературы на славянском языке"[22]. Еще не зная о существовании исследований В.И.Ламанского и А.С.Львова, мы тоже пришли к мысли о кирилло-мефодиевском происхождении "Поучения философа" на основании одного лишь богословского прочтения произведения.

Многие ученые полагают, что I-я глава "Жития Мефодия" ("Исповедание св. Мефодия") представляет собой сокращенный отрывок из какого-то более обширного богословского сочинения, принадлежащего его брату - Кириллу Философу, и содержащего изложение Священной истории от сотворения мира до Вселенских соборов включительно[23]. Это сочинение считается безвозвратно утраченным. По всей вероятности, этим

сочинением и был огласительный трактат для славян. Если правда, что он частично сохранился в I-й главе "Жития Мефодия", то мы имеем какую-то редакцию или интерпретацию этого отрывка в "Повести временных лет", где содержится под 988 г. еще один явно переписанный с документа текст. Это "Наставление" греческого духовенства князю Владимиру сразу после его крещения в Херсонесе[24]. Оно начинается со слов: "Верую во единого Бога..." и кончается словами: "... Бог да сохранит тя от сего". Далеко не буквально, но по композиции, по основному содержанию это "Наставление" соответствует "Исповеданию Мефодия" (I-й главе его "Жития"). "Наставление" содержит сведения о 7-м Вселенском соборе, который не упомянут в "Житии Мефодия", а также отличается резкими выпадами против "латинян" и Западной Церкви, которых нет ни в "Исповедании" Мефодия, ни в "Поучении философа" князю Владимиру (философ говорит, что вера посланцев из Рима лишь "малом с нами развращена"). Мы имеем здесь дело с документами разных эпох. Если Житие Мефодия и "Поучение философа" можно отнести ко 2-й половине IX в., когда между Константинополем и Римом еще не было столь острых и резких расхождений, то "Наставление" Владимиру при его крещении вполне вписывается в обстановку конца X-го столетия. Тем не менее это "Наставление" явно опирается на Кирилло-мефодиевскую традицию, имеет своим прототипом "Исповедание Мефодия" в I-й главе его "Жития".

Но вот что интересно: в "Исповедании Мефодия" и в "Наставлении" Владимиру имеется хорошее изложение догматов о Пресвятой Троице, о Боговоплощении, о Церкви, о почитании икон и т.д. и краткие сведения о Вселенских Соборах, но нет Священной истории Ветхого и Нового Заветов. А в "Поучении философа", напротив, как раз есть изложение Священной истории, но нет догматической части и сведений о Вселенских соборах (истина Боговоплощения здесь затрагивается исключи-

тельно в историческом аспекте и контексте)... Невольно возникает впечатление, что некогда единое цельное произведение разделили на две части таким образом, что вынув середину, - Священную историю, и затем соединив оставшиеся начало и конец, создали два отдельных самостоятельных катехизических документа. Второй служил самым начальным вероучительным целям, тогда как первый должен был углублять знания оглашаемых в историческом плане. С точки зрения проповеднической практики это представляется весьма целесообразным. Далеко не все люди могут на первых же порах воспринять множество событий, имен, прообразований и пророчеств, какие содержатся даже в таком лаконичном изложении Священной истории Ветхого и Нового Заветов, какая дана в "Поучении философа". Для этого требуется определенная подготовленность, достаточно высокий уровень общего развития. Простым же людям нужно преподавать прежде всего основные истины веры и оградить их сознание от возможных уклонений в неправомыслие (чему и служит описание Вселенских соборов, созывавшихся в связи с определенными ересями).

Если принять эти гипотезы, то окажется, что "поучение философа" в "Повести временных лет", соединенное с I-й главой "Жития Святителя Мефодия", дает нам полный объем содержания катехизического трактата Кирилла Философа. Иными словами, в "Повести временных лет" под видом "Поучения философа князю Владимиру" может скрываться значительнейшая часть (середина) сочинения Кирилла Философа.

Здесь мы должны сделать одно существенное уточнение. Мы вовсе не настаиваем на том, что "Исповедание Мефодия" - это видоизмененная часть сочинения Кирилла (Константина). Возможно, как многие думают, это самостоятельное произведение или Мефодия, или кого-то из его учеников. Тем паче, что подобные "исповедания веры", принадлежащие разным авторам, достаточно известны в истории. Мы утверждаем

только, что огласительный трактат Кирилла тоже должен был иметь догматическую часть и сведения о Вселенских соборах. В "Исповедании Мефодия" имеется некое до крайности сжатое повествование и о священной истории, настолько сжатое, что его можно назвать лишь напоминанием об этой истории, но отнюдь не ее изложением. Но она, эта часть, все-таки есть в I-й главе "Жития Мефодия"! Благодаря этому можно реконструировать структуру первого славянского Катихизиса (ибо она наверняка традиционна): догматическая часть - священная история - история Вселенских соборов. Это укрепляет в мысли о том, что священная история в "Поучении философа Владимиру" - середина такого трактата. Остается найти начало (догматику) и конец (описание Вселенских соборов). Если эти недостающие части не в "Исповедании Мефодия" и не в "Наставлении" Владимиру при его Крещении, то, может быть, - в каком-то ином тексте подобных же "Исповеданий" (ведь их немало)?

Подытожим, прежде чем двигаться дальше, что же мы утверждаем, а что - только предполагаем. Мы утверждаем, что Кирилл и Мефодий непременно должны были написать огласительный трактат (катехизис) для славян. Предполагаем, вслед за другими учеными, что его написал Кирилл. Мы утверждаем, что именно Святые Солунские братья проповедали христианство и крестили желающих на Руси при Аскольде и Дире в 861, или в 862 г. Предполагаем, что тогда же катехизис Кирилла (или его историческая часть) мог остаться на Руси и с обозначением авторства "Кирилла Философа" оказаться в русских государственных документах. Однако в последнем пункте возможно и другое предположение. Эта историческая часть (уже, возможно, выделенная в самостоятельное произведение) могла с той же пометкой авторства "Кирилла Философа" попасть к нам позже, в первой половине - середине X в. из Болгарии в кириллическом варианте (известно, что в эту эпоху на Руси уже были

довольно широко распространены книги из Болгарии, кириллическая письменность.)

Оба предположения легко объясняют путаницу с именем и прозвищем Кирилла Философа в нашем летописании и житийной литературе. Преподобный Нестор встретился с величайшей трудностью: в государственных бумагах он обнаружил очень схожие, как бы взаимоналагающиеся свидетельства о двух крещениях на Руси, - при Аскольде и при Владимире. Духовно-исторические ситуации 861 и 986 годов действительно совпадали! В обоих случаях на Русь приходили проповедники иудаизма, мусульманства, Западного и Восточного христианства; в обоих случаях совершался выбор веры. В начале XII в. вполне могло создаваться впечатление, что здесь имеет место какая-то путаница. Чтобы избежать ее, Нестор решил все отнести к эпохе Владимира. Вслед за ним так поступали и другие, но менее удачно, так что крещение Владимира иной раз связывалось, как мы видели, с именем Патриарха Фотия. Во всяком случае, зная, что Владимиру в 986 г. действительно проповедал какой-то греческий миссионер (в чем нет оснований сомневаться), и имея перед собой текст проповеди - оглашения, помеченного именем Кирилла Философа, Преподобный Нестор поместил его в свою летопись как образчик греческой проповеди, убрав имя Кирилл (Нестор знал, что тот жил за сто лет до Владимира) и оставив только прозвище - "философ". Но документ с именем Кирилла Философа какое-то время сохранялся, и его данные, в том числе имя и прозвище автора, могли просачиваться в нашу житийную и иную литературу, теперь уже прочно связывавшую крещение Владимира с проповедью "Философа". Отсюда и появилось утверждение, что Владимиру проповедал тоже Кирилл и тоже "Философ", но не тот, что был просветителем славян, а другой...

Есть еще некоторые свидетельства в пользу нашей гипотезы.

Обращает на себя невольное внимание риторичность вопросов князя Владимира, якобы задававшихся им по ходу "Поучения Философа". Особенно - вопрос третий: "Когда же это (Воплощение Бога - Авт.) сбылось? И сбылось ли это? Или еще только теперь сбудется?" В начале беседы и проповедник, и князь Владимир говорят о Воплощении Бога, как о давно совершившемся факте. Нам кажется не беспочвенным предположение, что это - остатки вопросоответной формы катехизиса. Такая форма восходит к очень древним временам и дошла до наших дней. Например, "Катехизис" митрополита Филарета (Дроздова) XIX в., по которому и сегодня обучаются воспитанники Духовных семинарий, составлен в строгой вопросоответной форме. В такой же форме составлялись и другие церковные сочинения апологетического или обличительного содержания.

В свете нашей гипотезы легко объясняется особое внимание автора "Поучения" к антииудейской теме: эта тема, как известно, была одной из самых важных именно для Кирилла Философа и развивалась им в спорах с иудеями.

Наконец, - знаменитый показ "запоны" (занавеса) с изображением Страшного Суда... В "Моравском Житии Кирилла Философа" сказано, что он закончил свою проповедь в "Хазарии" свидетельством о Страшном Суде, сделав это в связи с призывом ко крещению. То же самое делает и наш летописный "философ" в конце своего "Поучения", только у нас добавляется, что при этом он показывает русскому князю еще и икону Страшного Суда, написанную на полотне. Оказывается, что это не единственный случай. То же самое происходит в Болгарии, где царю Борису в 864 г. показывают "занавес" с изображением Страшного Суда...[25] Значит, это уже какая-то традиция греческого миссионерства. Возможно, она существовала до Кирилла и Мефодия, а возможно, является и их изобретением. Иконы на полотне - очень не характерное явление для

древней Православной иконографии. Решиться на подобное "новшество" могли люди такого же творческого духа, какими были Кирилл и Мефодий[26]. В таком случае, может быть, именно на Руси в 861 или 862 гг. впервые и был применен этот прием миссионерской проповеди, который затем повторили в году 864-м другие греческие проповедники в Болгарии?

По окончании "Поучения Философа" русский князь, по нашей летописи, не спешит с личным крещением, говоря: "Пожду и еще мало". То же самое происходит и в конце проповеди Кирилла Философа кагану. Последний в письме императору выражает лишь надежду, что "и мы к тому же (то есть ко крещению) придем".

Для более точной проверки гипотезы о принадлежности "Поучения Философа" перу Равноапостольного Кирилла Философа требуется специальный лингвистический анализ ряда памятников, дополнительные исторические изыскания. Мы же в заключение приведем некоторые (далеко не исчерпывающие) богословские наблюдения.

"Поучение философа" в "Повести временных лет" выглядит очень пространным лишь по сравнению с другими цельными повествованиями летописи. Взятое же отдельно, оно оказывается чрезвычайно лаконичным. На нескольких листах стройно изложить Священную историю Ветхого и Нового Заветов, снабдив ее и собственными комментариями в важнейших пунктах, - это под силу только очень образованному и знающему богослову. Поражает экзегетика автора. Он следует четкому принципу дополнять в важнейших случаях данные Библии поясняющими данными Предания и делает это настолько свободно, легко, органично, что малосведущему человеку порой трудно определить, что взято из Писания, а что - из Предания. По нашим подсчетам в "Поучении" в 33 случаях приводятся данные, взятые из Предания. Текст содержит 65 цитат из Священного Писания (некоторые сделаны явно по памяти, но большин-

ство, особенно -- довольно пространные пророческие изречения, определенно переписаны из Библии слово в слово). Лишь в немногих случаях автор прибегает к собственной интерпретации библейских текстов и делает это тоже на самом высоком уровне Православного богословия. При написании такого труда неизбежен отбор одних сюжетов и тем, и пропуск других. А это диктуется назначением сочинения (проповедь язычникам - славянам) и личностными особенностями автора. Доминирующими темами "Поучения" являются: 1. Богозданность мира и промыслительность в нем происходящего; 2. Осуждение язычества и показ его бесовской сущности в связи с показом изначальной вражды диавола против Бога и человека; 3. Прообразования и пророчества о Христе как Богочеловеке, о Его страданиях, Крестной смерти и Воскресении; 4. Пророчества об отвержении иудеев и призвание Богом вместо них других (всех) народов. 5. Осуществление ветхозаветных пророчеств в Завете новом; 6. Описание земной жизни и сущности подвига Спасителя; 7. Необходимость веры и крещения для наследия вечной жизни в Царстве Небесном.

Катехизис по самому своему назначению является не столько "книгой для чтения", сколько методическим пособием для проповедника или учителя. Поэтому пропуск ряда (порой очень важных) сюжетов и тем Библии в "Поучении" отнюдь не означает, что автор их вообще игнорирует. "Поучение" - своего рода рекомендация миссионеру, на чем он должен прежде всего останавливать внимание слушающих. "Поучение Философа", без всякой натяжки и преувеличения, сохраняет свою актуальность, силу, ценность и в наши дни и может быть использовано сегодня в качестве катехизического пособия. Впрочем, - и в качестве домашнего чтения тоже! Ибо оно обладает тем качеством, которого, увы, лишены многие наши школьные катехизические сочинения, - некоей удивительной внутренней живостью, вдохновенностью, если не сказать - Боговдохновенностью!

1 Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси: XI-начало XII века. М., 1978. "Поучение философа" под 986 г. - на с. 101-121. Следует сказать, что по манере изложения (стилю) "Поучение" отличается от несомненно русских (несторовских) текстов летописи, что заметно и "невооруженным глазом".

2 Там же. С. 41.

3 Карташов А.В. Очерки по истории Русской Церкви. Париж, Имка-Пресс, 1959. Т. I. С. 92. Здесь цитируется житийный отрывок из сборника XУ в., - рукопись № 1450 из Новгородской Софийской Библиотеки в собрании С.Петербургской Духовной академии. Л. 234 об.

4 Минеи Четьи XУШ в. 15 июля.

5 Карташов А.В. Очерки... С. 92.

6 Лебедев Лев, протоиерей. Крещение Руси. М., 1987. С. 65-75, 95-99.

7 История Византии в трех томах. М., 1967. Т. П. С. 229.

8 Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980. С. 60.

9 Карташов А.В. Очерки... С. 74.

10 Там же. С. 74-75.

11 Рогов А.И. Культурные связи Киевской Руси с другими славянскими странами в период ее христианизации // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. С. 210.

12 Об этом очень красноречиво - в "Четьих Минеях" XУШ в. под 15 июля (память св. князя Владимира).

13 Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности. Вступ. ст., перев. и комм. Б.Н.Флори. М., 1981.

14 Там же. С. 114.

15 Ламанский В.И. Славянское житие св. Кирилла как религиозно=эпи-

ческое произведение и как исторический источник. М., 1904.

I6 Лебедев Лев. Крещение Руси. С. 65-75, 95-99. Надо заметить, что на основании одного лишь сопоставления "посольства от руссов" и "посольства от хазар", как они изложены в источниках, в современной исторической науке делаются признания, что "определенное значение для христианизации Руси имела миссия Кирилла и Мефодия в Херсонес и их дальнейшая миссионерская деятельность в Северном Причерноморье" (см.: Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. С. 77, 66, 62). Большинство ученых все же не решаются отнести миссию святых братьев к Руси, к Киеву, полагая, что от них крестились какие=то русские в Крыму или Азово-Черноморской Руси. Но есть все основания думать, что дело происходило в Киеве (см.: Лебедев Лев. Крещение Руси. С. 70).

I7 "О письменах" Черноризце Храбра см.: Сказания о начале славянской письменности. С. I04. Здесь указывается точная дата создания славянской письменности Кириллом и Мефодием - 855 г. Это вполне соответствует исторической обстановке. В это время византийско=болгарские отношения находились в полосе перемирия, была надежда на крещение болгар. Но скоро все изменилось, и труд Солунских братьев остался на время без применения. Возможно, впрочем, и иное предположение. У черноризца Храбра использовано не константинопольское, а александрийское летосчисление, по которому от сотворения мира до Христа считается не 5508 лет, а 5500. Тогда дата изобретения славянской азбуки получается 863 г., что соответствует "Моравским житиям Кирилла и Мефодия". Тогда огласительный трактат Кирилла пришел на Русь не в 86I или 862 г., а позже и, по=видимому, из Болгарии.

I8 Карташов А.В. Очерки... С. 90. Здесь цитируется "Пролог" ХУ в. из Спасо-Прилуцкого монастыря в собрании С.Петербургской Духовной академии.

I9 Б.Н.Флоря отмечает, что Жития Кирилла и Мефодия - это далеко не бесхитростные документальные повествования, а сочинения, созданные в обстановке острой политической борьбы, и отличаются определенной направленностью в освещении фактов, "тенденциозностью" (Сказания о начале славянской письменности. С. II).

20 Ламанский В.И. Славянское житие св. Кирилла... С. I76 и далее.

2I Львов А.С."Исследование речи философа" // Памятники древнерусской письменности. М., I968. С. 345.

22 Там же. С. 394 и далее.

23 Сказания о начале славянской письменности. С. I43. Впрочем, авторство Кирилла многими оспаривается.

24 Повесть временных лет. С. I27-I30.

25 Рогов А.И. Культурные связи Киевской Руси... С. 2I4 и примеч. 27. С. 23I.

26 Для путешествующих миссионеров свертываемая икона на полотне - это очень ценное изобретение. Композиция Страшного Суда в достаточной полноте требует большой плоскости. Возить (и носить) с собой такую икону на доске было бы просто невозможно.